

У Сереги Фомина вся его жизнь связана с терриконом, с этим неизменным атрибутом донбасского пейзажа. Чуть ли не сотню лет вывозили сюда из шахты в специальных вагонетках пустую породу, и высыпали в одном месте, пока не образовался бугорок, а затем и небольшая гора, все выше и выше уходящая в задымленное донецкое небо.

Поднимался террикон, поднимались по его склону рельсы узкоколейки,верху которой находилось горизонтально установленное колесо, где ходил крепкий канат, поднималась по этому канату вагонетка. И, взобравшись на самую вершину, открывала борта, выбрасывая по склонам загруженную породу. Куски помельче задерживались еще наверху, крупные же, подскакивая и кувыркаясь в воздухе, способны были долететь до самого подножия террикона, а то и дальше, прокатившись по голой, выбитой камнями земле.

Здесь, среди побитых листьев лопуха и других сорных растений, и замирали, чтобы со временем, под воздействием солнца, снега и дождей, потерять свою крепость и начать распадаться.

Сам же террикон никогда не утрачивал своей стройности, напоминая своей острой вершиной египетские пирамиды, пока людям не становилось в тягость обслуживать такую высокую машину и они оставляли его, закладывая, как говорится, новый. Закладывали тут же, рядом, и младший братишка высокого красавца подрастал, прижимаясь к старшему, который по возрасту годился ему в прадедушки.

Оставшись не у дел, старый террикон начинал мало-помалу разъезжаться, утрачивать свою угловатость, словно опускал плечи. Точь-в-точь, как вышедший на пенсию шахтер, организм которого привык к постоянным физическим нагрузкам. Разъ-

езжался, вроде бы даже становясь ниже ростом, но по-прежнему курил после дождя синеватым и не очень приятным газом.

Сергея Фомин и вырос, и всю жизнь прожил недалеко от шахты, в сотне метров от ее терриконов. Его дед, высокий, сгорбленный шахтой старик, на склоне лет работал терриконщиком, обязанностью которого было следить за рабочим состоянием узкоколейки, а может, и что-то другое. Но мальчишкам, которых всегда влекла к себе высокая заманчивая гора, казалось, что старик только тем и занимался, что следил за ними, чтобы обругать, напугать и шугануть от этого места. Они со смехом, с криком и воплями скатывались по склонам вниз и, выкрикивая в адрес старика обидные слова, бежали прочь, хотя отлично знали, что никто за ними не победит, а если и победит, то не догонит. Серега обижался за деда и лез в драку.

Да, давненько это было, давненько. Теперь он и сам считай дед и тоже работает на терриконе. Только не терриконщиком. Несколько лет назад в городе было создано управление по рекультивации и озеленению породных отвалов, как по документам называются все те же терриконы, и Сереге предложили одну не пыльную, как для бывшего горняка, должность. Теперь и Серега, как некогда его дед, ежедневно взбирается на отработанный террикон, вершину которого давно подрезал неугомонный бульдозер, открывает построенную там кладовую, где находится рабочий инструмент — топоры, ведра, носилки, лопаты, заступы, с помощью которых бригада озеленителей долбит в слежавшейся породе широкие лунки, заполняет их мягкой землицей. И, предварительно залив водой, высаживает туда саженцы различных деревьев, которые превратят старый террикон в настоящую зеленую гору. Высаживают под присмотром специалистов, своеобразными террасами, вдоль пробитых дорожек, которые спиралью выходят на самый верх.

Поднимаясь сюда, Серега всегда ищет взглядом свой дом, выстроенный им на месте дедовской хатенки. Находит и по-мальчишески любит им, нередко вспоминая свое детство. Террикон и сейчас высок, а тогда вообще казался заоблачным. И какой же удалю, ловкостью и смелостью считалось тогда среди ребятни его «покорение»! Кто из поселковых сюда не взбирался, тот вообще считался размазней и нюней. Да таких среди шахтерской детворы, помнится, и не было.

2

Террикон — терриконом, но была у Сереги и настоящая страсть. Была и есть. И эта страсть — голуби!

Лет с пятнадцати держал он у себя этих величественных, красивых и удивляющих своей верностью птиц. Многие, по незнанию или поверив какому-то восторженному краснобаю, называют голубей самыми мирными из пернатых. Но он-то, Серега, опытный и авторитетнейший голубятник, хорошо знал, что это далеко не так. А кто сомневается, тот пусть заведет у себя хотя бы две пары этих птиц и хорошенько понаблюдает за ними. (Так, не в пример собакам, мирными считаются и лошади. Но дед Сереги не раз рассказывал, как повздорившие под землей кони начинали грызть друг друга, причем стараясь схватить соперника за самое больное и самое главное мужское место! Так и голуби — мирные и спокойные до определенного момента).

Как настоящий голубятник, Серега держал и держит только «летних» птиц, с насмешкою отвергая высокоскоростных почтарей, которых в Донбассе именуют джеббарями или труболетами. Он только головой качает, наблюдая, как стайка труболетов стремительно, словно боевые штурмовики, несется чуть повыше крыш, едва не задевая печные трубы. Ну, что это за птицы?! Что это за голуби?! Так ведь могут носиться и воробьи! И радостно представляет, как сегодня к нему наведаются друзья-голубятники, которым он пообещал показать новую пару.

Один уже показался. Идет, задрав вверх голову. Верная примета голубятника.

— Привет!

— Привет!

— Ну, что ты — еще не выпускал?

— Да вот, открываю...

Сергея не спеша направляется к голубятне, ловко крутит ключ винтового замка. Голубятня почти рядом с домом и всю ночь освещена, но нужно запереть — от греха подальше. Точнее — от разных воришек. Все ведь знают, что у Сереги редкие по своим летным качествам птицы. Их на любом птичьем рынке голубятники с руками оторвут.

Отворив птичий домик, Сергей ловко ловит нужного голубя и, аккуратно держа его в руках головкой к себе, направляется к воротам, за которыми стоят уже трое его приятелей.

— Ну, покажи, покажи,— нарочито весело подгоняют они Серегу.

Сергея привычно помахивает голубем, наблюдая, как пернатый красавец распушает хвост, затем, удерживая птицу одной рукой, другой легонько тянет ее за клюв. Это у Сереги непрменный ритуал, и голуби воспринимают такие действия хозяина как особую ласку. Голубь дергает головкой, с нетерпением поглядывая на небо. Сергей делает легкий взмах рукой и птица с легким свистом поднимается вверх. Нет, это не труболет, не джебарь! Этот красавец, почти не совершая кругов, непонятным образом поднимается все выше и выше, выше и выше...

Стоящие внизу голубятники с легкой завистью и профессиональным восторгом наблюдают за птицей, втайне надеясь, что голубь вот-вот остановится, зависнет, но тот не останавливается и как бы назло всем продолжает набирать высоту.

Не может оторвать от него глаз и Сергей, наполняясь настоящей гордостью. Отрывает только на миг, чтобы оглянуться вокруг. В такие минуты ему всегда кажется, что за полетом его птицы наблюдает сейчас весь поселок, все его жители, включая малышня и старых бабок. Да и как можно не залюбоваться такой красотой, таким восхитительным зрелищем!

Голубь наконец-то остановился, практически над тем местом, откуда взлетел, и стоит, не отходя в сторону ни на метр! Стоит, и энергично, без усталости, машет почти незаметными снизу крыльями.

Теперь рассмотреть его могут только специалисты, только опытные голубятники. Случайный прохожий ни за что не определит его окраску и уж тем более — самец это или самочка.

Парни молча смотрят вверх, затем смущенно переглядываются и опускают глаза. Что ж, Сергей мужик твердый, он никаких денег на голубей не жалеет. И не обращает внимания на вопли жены. Как-то на свадьбе у соседней мужики решили его подзадорить.

— Ну, и что ты — даже на машину пару своих голубей не променяешь? Даже на «Волгу»?!

Сергея, слегка подвыпивший, начинал злиться.

— Да хоть на «ЗиМ»! (Была когда-то такая правительственная машина завода имени Молотова).

— А вот если бы... слышь, Сергей! А вот если бы поставили условие: или голубей заберем, или жену?

— Да заведи ты ее хоть сейчас!..

Некоторые в искренность Фомина не верили. Думали, что прикидывается. Верили только голубятники, которые вечно толпились возле его дома. Временами ходил по гостям и Сергей, хотя знал, что таких голубей, как у него, не было и нет ни у кого.

Голубь продолжает стоять, купаясь в прозрачном утреннем воздухе, и явно чего-

то ждет. Серега, важничая, снова направляется к голубятне, выносит оттуда подругу этого пернатого артиста. Не выпускает, не подбрасывает, только держит ее на вытянутой руке. И — оп-ля-я! Танцующий голубь на миг замирает и начинает мягкими нырками спускаться вниз. Нырнет — и замедлит, нырнет — и замедлит... Словно идущий на посадку самолет, то и дело попадающий в воздушные «ямы».

Парни не выдерживают, смеются и, тая вздохи, закуривают.

Серега не выдерживает и подбрасывает голубку вверх. И птичья пара, чуть ли не целуясь в воздухе, снова устремляется в высоту...

3

Серега знал, что у многих людей далеко не почтительное отношение к голубятникам. Ну, разве может серьезный человек до старости гонять этих птиц и всю жизнь ходить по улице с задранной вверх головой! Разве может, завидев в вышине какого-то там «чужака», сломя голову и не глядя себе под ноги, бежать к своей голубятне, поднимать свистом своих пернатых в небо, чтобы те завлекли чужого в свою голубятню! Мальчишество — да и только! Мальчишество и глупость!

Бегал и Серега, бегал и поднимал своих голубей и не раз заманивал к себе чужую птицу. Это нормально. У голубятников это не считается преступлением. Знал, что к вечеру к нему пожалует хозяин пойманного голубя, начнет договариваться о выкупе. Серега не жадный, ему много не надо. Здесь ведь чисто спортивный интерес.

— Беги за бутылкой!

Пока парень бегал, Серега шел в огород, срывал несколько зеленых огурчиков или помидор, выносил из летней кухни хлеб и соль. Сделку обмывали за калиткой, где стоял доминошный столик. Как правило, подсоединялись и другие мужики, дополняя стол и своей выпивкой, и своей закуской. Вот так и рождается праздник, который может затянуться до позднего вечера, до того часа, когда сами голуби, наверное, видят уже третьи сны. Если им, конечно, эти сны снятся.

Серега иногда задумывался: о чем вообще думают эти пернатые? Какие мысли витают в этих миловидных головках? То, что они умеют любить, ревновать и даже соперничать, — это бесспорно. Порой даже проявляют агрессию. Но... какое у них... видение мира, что ли?

Серега не считал себя слишком начитанным (да так оно и было), не умел грамотно изъясняться (да оно шахтеру и голубятнику и ни к чему). Поэтому даже свой интерес не мог грамотно сформулировать. Но задумывался об этом часто.

А еще Серега был безбожником, не верил ни в силу небесную, ни в силу разных там бабок-гадалок. А вот в силу дурного глаза верил! Знал, что есть такие люди, которые могут запросто сглазить малых птенцов и те бедолаги не доживут и до вечера. Как оно так получается, — он тоже не мог понять. Но никогда не показывал едва вылупившихся птенцов людям, будь то голубятники или просто соседи. Вот подрастет малыш, наберется сил и тогда ему никакой дурной глаз не страшен!

Была у Сереги еще одна задумка. Признаться, не очень серьезная, даже мальчишеская. И возникла она у него в первый же день работы на терриконе. Опасаясь насмешек, Серега никогда не говорил о ней вслух, но мысли о задуманном все чаще и чаще приходили ему в голову. И так одолели мужика, что он не выдержал и решил: завтра выходной, людей на терриконе не будет... Беру!

4

Погода в воскресный день выдалась чудесной: голубое чистое небо, лишь в стороне подбеленное курчавыми облаками, и тихо вокруг, ни ветерка. Самое расчудес-

ное время года, с богатыми садами и огородами, на которых, впрочем, в эти дни предостаточно работы.

— Куда ты? — настороженно спросила Серегу жена, наблюдая за его сборами.

— На террикон схожу,— не особо задумываясь, ответил Серега, проверяя карманы своей куртки.

— А что там тебе сегодня делать? Выходной! Аджику будем сейчас закрывать.

— Вернусь — закроем. Я не долго. Боюсь, что кладовую не запер...

— Кладовую он не запер!! О чем ты только думаешь!

Серега не стал продолжать разговор, чтобы он не перешел в перепалку, от которой не далеко и до скандала. Не хотелось портить себе настроение. Он ведь давно ожидал этого дня.

Выйдя во двор, он завернул к голубятне, подманил к себе своего лучшего сизаря, взял его в руки, привычно укладывая голубю роскошные крылья. И спрятал птицу за пазухой.

Голуб не противился, всецело доверяя своему хозяину. Несут куда-то? Значит, так нужно. Тихонько сидел, почти не шевелясь и не произнося ни звука. Серега, в свою очередь, с удовольствием ощущал у сердца живой щекотливый комочек, который сейчас должен показать настоящий класс, какой не под силу ни одному другому голубю. Надо только подняться вверх, на террикон, с которого хорошо просматривается не только их поселок, но и вся западная часть города. Как он все-таки хорош, их шахтерский городок, в эти последние летние деньки, весь в густой зелени, среди которой ярко выделяются желтые участки цветущих подсолнухов!

На равнине Серега вроде бы не страдал от запыленности легких, но возраст — есть возраст: подниматься вверх было трудновато, не хватало воздуха, ощутимыми толчками билось сердце, словно просилось наружу. Видно, почувствовал это, начал волноваться и голубь, щекотливо царапая Серегину грудь своим клювом. Серега приостановился, потрогал его рукой. Посиди, посиди, сейчас дадим тебе волю.

Выбравшись наверх, Серега прошел к своей кладовой, вынул из кармана ключи. В кладовой ему, конечно, ничего не нужно, но открыть — откроет. Будто и впрямь явился сюда по каким-то производственным делам.

Но, открыв и сняв замок, не сдержался у кладовой и на минуту: пошел к северному склону террикона, с которого как раз и виден его, Серегин, дом. Свежий человек наверняка не сразу бы разобрался в буйстве зелени лежащих где-то внизу садов, не сразу бы определил очертания улиц, но Серега давно набил глаз и мигом разглядел и свою улицу, и свой двор, и свой дом под шиферной крышей. Да и кто бы не распознал с в о е!

От чего-то волнуясь, вытащил голубя, ласково подергал его за клюв, помахал в руках, расправляя птице роскошный хвост.

— Ну, что, миленький,— ласково заговорил он, поднеся голубя к своему лицу,— покажем класс? Давай!

Подкинув птицу, не сдержался, захлопал в ладоши, даже протяжно и по-разбойничьи тоекратно свистнул, как в наше время умеют свистеть только голубятники. Но голубь и без того понимал хозяина, а главное — хорошо знал свое дело. Он, как и раньше, почти не делал кругов, только усиленно махал крыльями, все выше и выше поднимаясь в синее небо, на фоне которого Серега различит его на любой высоте.

Пока поднимался, пока не замер светлой точкой, Серега не мог оторвать от голубя глаз. Теперь же оглянулся по сторонам, словно надеясь увидеть хоть одного свидетеля его долгожданного триумфа. Но свидетелей не было. И вряд ли кто из поселковых заметил высоко стоящего над терриконом голубя. Чтобы это заметить, нужно быть голубятником. А кроме Сереги, голубятников в поселке нет.

Сергея чувствовал в душе теплое и радостное томление. Ну, вот, наконец-то свершил давно задуманное. Чья птица сможет теперь соперничать с этим его красавцем? Нет такой птицы. Ни у кого нет.

А голубь продолжал стоять в вышине, и, вероятно, тоже гордился и собой, и своим сметливым хозяином, который додумался до такого эксперимента. Долго стоял, совершенно не ощущая усталости.

Тем временем подул ветерок, пригнал со стороны стада низких барашковых облаков. И на их фоне сизарь Сереги исчез из виду. А может, птица уже была за облаками? Серега по-настоящему испугался, как никогда и ничего не боялся даже под землей, и начал отчаянно свистеть. Свистел на все лады и на все переливы, свистел, не уставая, делая лишь секундную передышку, чтобы схватить побольше воздуха. Но было поздно: облака все шли и шли, и Серега лишь мельком видел в просветах между белой пеленой своего любимца. И снова свистел, подавая знак спускаться.

Но голубь, если и слышал, то мог понять эти свистки по-своему. Дескать, держись, брат, покажи им всем, как умеют летать и как умеют стоять в немыслимой вышине настоящие голуби! Ведь приглашая его спуститься, хозяин всегда выносил голубку. А где она сейчас, его голубка? Не видать!

Сергея метался и уже не свистел, а материл себя последними словами! Теперь ему было пофиг, что кто-то прослышит о его мальчишеской проделке, о желании переплюнуть всех голубятников, что побудило его поднять лучшего своего голубя в небо над высоким терриконом. Пусть насмешничают, даже ему в глаза. Плевать! Лишь бы сейчас голубя не отнесло ветром, как это иногда случается. Лишь бы благополучно сел, если не здесь, то хотя бы в стороне. Лишь бы не попал в зубы бездомных котов или собак. Серега этого не переживет!

От перенапряжения у него заболели и начали слезиться глаза. И пару раз показалось, что голубь приспустился и пошел на снижение в сторону дома. То ли показалось, то ли вправду так было — Серега уже не осознавал. Даже толком не понимал — почему у него текут слезы.

Наконец, не выдержав, заторопился вниз, совершенно не беспокоясь о раскрытой кладовой. Кому они нужны, эти лопаты и ведра! А если и украдут, то хрен с ними! И с этой работой!

Спустившись вниз, заторопился по улице. Кого-то встретил, с кем-то не поздоровался... Залетев во двор, оставил открытой калитку и помчался к голубятне.

Мама родная, сизый красавец и гордость всей его стаи уже был дома и, собрав вокруг себя остальных голубей, задорно ворковал, восторженно рассказывая своим собратям о невиданной высоте, на которой ему довелось сегодня побывать. Он так увлекся, что не заметил и хозяина, который даже не присел, а обессиленно упал на стоящую рядом лавчонку.

Вышла жена, раздраженно спросила:

— Так ты собираешься сегодня закрывать аджику?!

— Конечно, милшечка моя! — неожиданно для самого себя, живо откликнулся Серега. — Сейчас вот, погоди минуту...

Жена присмотрелась к нему, решив, что Серега уже успел где-то тяпнуть. И, махнув рукой, пошла в летнюю кухню.